

АҔСНЫ АҔЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АҔСУАҔЦААРАТӘ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АҔСУАҔЦААРА АБХАЗОВЕДЕНИЕ

Археология
АҔоурых
Аетнология

Археология
История
Этнология

АҔыжьра
ХІІ
Выпуск

Ақәа – Сухум
АБИГИ
2022

Д. А. Канделаки

НОВЫЕ ДАННЫЕ В ПОЛЬЗУ АВТОХТОННОЙ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА АБХАЗОВ.¹

Интерес к написанию данной статьи обусловлен обстоятельствами, побудивших автора вновь вернуться к рассмотрению ряда проблем ранних этапов этногенеза абхазов. В частности, в абхазской историографии, да и не только все еще продолжают господствовать представления, связанные с миграционными гипотезами и теориями. Если пока оставить в стороне проблему хронологии этих процессов, то все они сводятся к следующему.² Ранние этапы этногенетической истории нашего региона предстают в виде некоего процесса миграции древнего населения из близлежащих областей Малой и Передней Азии, в ходе которого на территорию Кавказского Причерноморья, Западного Закавказья и Северо-Западного Кавказа пришли носители языков западнокавказского облика. В пользу этих гипотез и теорий приводятся данные о родстве ряда древних языков и народов, фиксируемых в древневосточной письменной традиции, широкая палитра культурно-археологических данных, фольклорно-мифологических сюжетов и параллелей. Не снимают проблему и попытки рассматривать эти процессы с точки зрения некой автохтонно-миграционной модели³. Все эти воззрения имеют давнюю историографическую традицию, восходящую к востоковедческим и кавказоведческим штудиям XX века⁴. За это

¹ Канделаки Давид Автандилович – м. н. с. Отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии. Главный хранитель Пицундского археологического музея. E-mail.: david_kandelaki@mail.ru

² Проблемы хронологии не могут уместиться в рамках заданного объема работы и требуют отдельного специального исследования.

³ Федоров Я.А. Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита // Вестник МГУ. Серия историческая. 1973. № 5. С.57-58; Шакрыл К. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов «Ученые записки АдНИИЯЛИ». Т. IV. – Краснодар, 1965.

⁴ Бгажэба О. Х. Ранние этапы этнической истории абхазов. В кн.: Абхазы. – М., 2009. С. 57-58; Инал-Ипа Ш. Д. Труды. Том III. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухум, 2011. С.39; Канделаки Д. А. Об этногенез абхазов. Некоторые проблемы источниковедения и историографии. Абхазоведение: История; Археология; Этнология. – Сухум, 2013., вып. VIII – X. С. 248; Канделаки Д. А. Концепция прародинности в этногенезе абхазов. I Научно-образовательный семинар «Карта рассказывает»: картографическая культура в контексте изучения истории и природы Абхазии. Гагра – Пицунда. 2019. С. 87-88.

время был накоплен большой объём данных сравнительно-исторического языкознания, а также археологии, антропологии, востоковедения, а позднее и генетики, которые действительно показали разительные сходства и параллельные контакты между областями Западного Кавказа и древнего Ближнего Востока.

Однако накопленные за последнее время данные побудили автора поновому взглянуть на проблему генезиса древнего населения Кавказского Причерноморья, послужившего этногенетическим пластом на ранних этапах этногенеза абхазов. Им рассматриваются пока гипотетические модели, получившие в авторской интерпретации названия «глубокий автохтонизм» и «модель внутрислокальной этногенетической динамики». Суть их такова. «Глубокий автохтонизм» сводится к идее глубокого хронологического уровня истока этногенеза, а «модель внутрислокальной этногенетической динамики» сводится к идее того, что этногенетический процесс представлял собой постоянную кристаллизацию отдельных этногенетических признаков, в конечном итоге приведших к формированию этногенетической общности празападнокавказского облика на месте. Тем самым уже становится очевидным, что автор отвергает идеи миграции нового этноязыкового массива в некоем его «готовом» виде. Попробуем рассмотреть в хронологической динамике этот этногенетический сценарий. Первый вопрос, который встает перед нами – это определение той хронологически нижней границы, когда здесь, на территории Восточного Причерноморья, «сработали» этногенетические процессы. Где находится хронологически граница начала этногенетических процессов? Несомненно, таким хронологическим рубежом должен являться период проникновения сюда первых представителей человека анатомически современного вида, знаменуя собой период верхнего палеолита. В общих хронологических рамках время его появления в Абхазии падает на период около 40 – 35 тыс. л. н. Данные радиоуглеродной датировки из слоев верхнего палеолита пещеры Апианча возрастом 32 тыс. л. н. тоже согласуются с этим хронологическим диапазоном¹. Несомненно, шедшие сюда, в Причерноморье, отдельные популяции анатомически современного человека уже несли в себе определенный набор этнических и культурных признаков, в которых можно разглядеть отдельные этногенетические признаки, и в самих этих популяциях видеть прообразы древних этногенетических ячеек. Этими популяциями осваивались отдельные ландшафтные зоны, в которых формировались устойчивые комплексы хозяйственной и культурной деятельности. Они формировали относительно устойчивые, этногенети-

¹ Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человечества. – М., 2004. С.239; Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб., 2008. С. 113.

ческие пространственные локусы. Главными факторами, сдерживавшими эти «локусы» или «сгустки» в их границах, были выработанные каждой из них единой модели жизнеобеспечения, скрепленных механизмом обменных коммуникаций, а именно языками. Таким образом, даже для таких древних периодов уже можно говорить об этногенетических процессах. Тем самым для периода верхнего палеолита Восточного Причерноморья можно констатировать факт существования неких подобий локальных этногенетических объединений. Они состояли из групп общин, образуя пространственные объединения, привязанные к ландшафтным зонам. Разумеется, для периода верхнего палеолита, растянутого на тысячелетия, нельзя говорить о стагнации населения. На всем его протяжении имели место постоянные миграции и переселения древних групп, порой разной генетической природы. Но это не означает, что имел место какой-либо территориальный демографический вакуум, и население однажды освоившее территории Кавказского Причерноморья в верхнем палеолите, явилось генетическим продолжением для населения следующих эпох мезолита и неолита. Данные антропологии также подтверждают, что здесь, в Причерноморье, имеет место быть устойчивое сохранение и физическая преемственность с населением верхнего палеолита и мезолита, представленное наследием древнего верхнепалеолитического протоевропейского, протосредиземноморского антропологического расового ствола. Этот морфологический набор признаков и поныне хорошо известен среди современных представителей абхазо-адыгской общности как понтийский антропологический тип. Понтийский антропологический тип не пришел откуда-то извне, а как утверждают некоторые специалисты, является прямым продолжением верхнепалеолитического типа населения¹. Таким образом, столь важный этногенетический маркер, как антропологические данные в этногенезе недвусмысленно свидетельствуют что антропологически современное население абхазов как, впрочем, и представители абхазо-адыгской общности в целом, преемственно прямые физические, то есть генетически потомки первых верхнепалеолитических насельников Восточного Причерноморья. Таким образом, такой важный признак, как антропологические данные, полностью согласуются с теорией «глубокого автохтонизма».

Сложнее судить нам о языковой природе носителей этих древних верхнепалеолитических популяций на территории Восточного Причерноморья. Следует ли видеть в языках верхнего палеолита такие языки, которые имели продолжение в поздних эпохах, или они не имели здесь своего продолжения? Ответ скорее не утвердительный. На современном уровне

---

¹ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). – М., 1974. С. 125.

наших знаний мы можем сказать лишь следующее – для периода верхнего палеолита следует говорить о «верхнепалеолитическом лингвистическом полиморфизме», когда на относительно ограниченной территории существовали языки различной генетической природы, порою совершенно между собою не связанных. А значит, для того периода были характерны иные языковые группы и семьи языков, географически они выражались в совершенно ином территориальном языковом ландшафте. Но это вовсе не означает полного языкового разрыва с языками древних верхнепалеолитических насельников. Языковой покров эпохи верхнего палеолита хоть и был стерт временем, но все равно очень незначительным пластом, отдельными реликтовыми вкраплениями – «гlossами» – был сохранен в последующие эпохи. Несомненно одно – в верхнепалеолитическую эпоху языки пока еще не оформились в какие-то строго очерченные территориальные образования, для чего отсутствовали социальные и демографические предпосылки, отличались крайним полиморфизмом и в них пока нет возможности выявить следы строя древних языков хотя бы отдаленно сближающие их с языками празападнокавказского облика.

Переломным рубежом процесса дальнейшей этногенетической эволюции населения в областях Восточного Причерноморья становится эпоха голоцена. В период «неолитической», а правильнее сказать – «мезонеолитической», «раннеголоценовой» революции происходит коренная ломка всей системы жизнеобеспечения¹. Зарождение производящей земледельческо-скотоводческой экономики, с увеличением доли использования ресурсов ихтиофауны способствовало изменению стратегии жизнеобеспечения, модели расселения и модели систем поселения. Создатели неолитического хозяйства постепенно осваивали наиболее экологически пластичные ландшафтные зоны, такие, как предгорья, зоны речных долин и плодородные аллювиальные прибрежные равнины. Подобная модель экологической адаптации нашла уже отражение в реконструируемых праязыковых состояниях и реалиях тех языков, носители которых и были потомками древнего верхнепалеолитического и раннемезолитического населения Восточного Причерноморья, которые спустя тысячелетия самостоятельно перешли от присваивающей к производящей экономике. Именно эти процессы и распознаются в культурной и природной лексике языков потомков, нынешних представителей абхазо-адыгской общности. Поэтому для периода становления производящей экономики в целом падающий на период неолита не следует говорить о каких-либо тотальных миграциях и заселениях территории Причерноморья каким-либо новым

¹ Канделаки Д. А. Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка). Актуальная археология. 3. – СПб., 2016. С. 51.

населением извне, тем более на пустующие земли. Несомненно, еще раз повторим, создателями неолитической культуры были потомки первых верхнепалеолитических поселенцев Причерноморья. Процесс неолитизации в схожих природных условиях имел схожие модели, охватывая одновременно аналогичные друг другу Кавказскую и Анатолийскую экологические ниши Восточного Причерноморья. Территориальным ядром, где древним населением осуществлялся этот единый адаптационный сценарий, была Колхидская геоботаническая провинция, совпадающий с зоной Восточнопричерноморского рефугиума¹. Разумеется, приблизительная модель внутрислокальной этногенетической динамики, описанная автором выше, может дать ключ к пониманию того, как шло формирование древнего языкового ландшафта родственных в языковом отношении групп населения конца мезолита и начала неолита. Судя по изложенной модели, шедший параллельно глоттогенетический процесс имел, по сути, схожую модель, выкристаллизовывая облик будущих языков, образующих семейство языков, известных как абхазо-адыгские или более точнее – западнокавказские. Эти языки тем самым являются, по сути, ниоткуда не пришедшими лингвореликтами, и продуктом эволюции языков, происходивших на месте. В этой связи особо хотелось бы остановиться на еще одной детали. Автор всегда замечал, как нередко специалистами модель этногенеза рассматривается прямолинейно. Сразу же отметим, «модель внутрислокальной этногенетической динамики» в авторской интерпретации совершенно отвергает такую прямолинейную модель, по которой этногенез абхазо-адыгской общности мыслится как процесс разделения отдельных ее ветвей от некоего общего праязыкового ствола, как это обычно графически отображено на генеалогических лингвистических древах. Процесс этногенетической эволюции абхазо-адыгской общности не происходил таким образом. Древо не иллюстрирует нам реальной картины того, что как будто бы в процессе этногенеза абхазо-адыгов шел процесс отпочковывания отдельных будущих ее локальных групп, когда в процессе географического размежевания, в будущем якобы развились многочисленные звенья будущих абхазо-адыгских языков. Процесс этот выглядел совершенно иначе, он выглядел как процесс постепенного волнового языкового перехода, когда в единой ландшафтной зоне формировался языковой ландшафт с постепенным переходом схожих от одного к другому диа-

¹ Долуханов П. М. Неолитическая революция в Передней Азии: экологические, культурно-исторические и лингвистические аспекты. // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. – М., 1984., Ч. 1. С. 29-31; Канделаки Д. А. Ранние этапы этногенеза абхазо-адыгов и географическая среда их обитания (к постановке проблемы). Абхазоведение: История; Археология; Этнология. – Сухум, 2011., вып. V – VII. С. 33.

лектов и языков. Только формировались они не путем отделения от общего предка, а напротив, шла кристаллизация и формирование их путём конвергенции и усиленных контактов популяций в отдельных подзонах этой общей Причерноморской зоны. Таким образом, в пределах этой зоны и шел процесс формирования единой этногенетической территориальной дуги соответствующей и очагу сложения западнокавказской этногенетической и этноязыковой общности¹. Вовлекаясь в этот западнокавказский этногенетический котел, шел процесс нивелировки отдельных пришлых групп, их постепенное конвергирование и интегрирование с формированием единого пространства относительно гомогенных совокупностей диалектов и праязыков, в которых уже отчетливо проявляются черты будущих отдельных подразделений и ветвей западнокавказской общности. В этой зоне нельзя выделить какие-либо более ранние языки, которые, к примеру, являлись бы предком будущих абхазо-адыгов языков. Например, таковым пытались видеть древний хаттский язык, который ошибочно мыслится как наиболее хронологически архаичный среди языков западнокавказского круга. Хатты жили в бассейне реки Галис и частично на анатолийском побережье Черного моря в то же время, когда на противоположном кавказском берегу жили родственные им абхазо-адыгские народы. Таким образом, хатты, которые столь долгое время были важным доводом в пользу миграции абхазо-адыгов с юга на север, оказались не предковой группой, а лишь родственными соседями и отнюдь не древнее самих абхазо-адыгов². Другой часто муссируемый в науке тезис – это тезис о племенах каска и абэшла, которые фиксируются в хеттских и ассирийских письменных источниках, как о важном доказательстве присутствия абхазо-адыгов к югу от Кавказа и их последующих миграциях на север. Этот тезис тоже не выдерживает критики. В случае с этнонимом «абэшла» этот факт можно интерпретировать, как свидетельство активных военных кампаний, которые осуществлялись в сторону юга представителями абхазо-адыгского этнического мира, что и зафиксировано в древневосточных письменных источниках. Аналогичным тому примером могут служить урартские письменные источники, в которых мы находим свидетельства о нахождении на южной периферии Кавказа, в частности, у озера Чилдыр племен «иганиехи», в которых отчетливо фиксируется племенное назва-

¹ Канделаки Д. А. У истоков этногенеза абхазо – адыгов. Материалы VI Абхазской международной археологической конференции, посвящ. археологу – кавказоведу Л. Н. Соловьеву «Кавказ и Абхазия в древности и средневековье: взаимодействие и преемственность культур» .– Сухум, 2017. С. 42; Он же. Ранние этапы этногенеза западнокавказской (абхазо-адыгской) общности эпохи камня и палеометалла. Сборник материалов научных статей Национального Музея Республики Адыгея. – Майком, 2014., вып. V. С. 14–27.

² Канделаки Д. А. Хатты. Локализация. Идентификация. Хронология. Научное наследие Ф. А. Щербина. – Краснодар, 2016. С.68.

ние более поздних причерноморских гениохов. Что касается касков, то ответ очень прост: наряду с праадыгской, праубыхской, праабхазской и прахаттской группами это еще одна – каскская группа – в составе западнокавказской общности, которая формировалась в области южного Причерноморья, то есть занимала южную периферию единой западнокавказской реликтовой этногенетической дуги. Лишь позже, в период начала своей военно-политической активности, они стали известны хеттам, которые в первые столкнулись с этими аборигенами уже в XVII веке до нашей эры. Таким образом, автор данной статьи в качестве предварительной концепции делает следующие выводы.

1. Абхазы – это этногенетический реликт в составе западнокавказской этногенетической общности, соответствующая в лингвистической классификации абхазо-адыгской группе языков северокавказской языковой семьи. Допустимо эту этногенетическую общность именовать «восточно-причерноморской» или «восточнопонтийской».

2. Западнокавказская этногенетическая общность формировалась на месте и географически соответствовала природному рефугиуму – Восточнопричерноморскому, в котором и шло ее древнее формирование.

3. Западнокавказская общность не формировалась путем дивергенции ее отдельных звеньев, когда процесс этногенетического оформления мыслится как процесс географического размежевания отдельных групп, а путем внутрислокальной динамики и постепенной эволюции, в ходе которой шло постепенное накопление ее этногенетических признаков.

4. Область Восточного Причерноморья, где шел процесс формирования западнокавказской общности, не подвергалась каким-либо массовым миграциям, не было какого-либо демографического коллапса и территориального опустения, а значит, не было и тотальной смены населения, и тем более не было прихода нового населения на пустующие территории, к примеру, с юга – с Анатолии или северной Месопотамии.

5. В процессе длительной эволюции общества на территории Восточного Причерноморья от Анатолии до Кавказа, именуемой автором «Восточнопричерноморской этногенетической дугой», в отдельных ее очагах хронологически одновременно шел процесс формирования и отдельных ветвей западнокавказской общности: хаттской – бассейн реки Галис; каскской – Черноморское побережье Анатолии; абхазской – Колхидской низменности и Черноморского побережья; далее к северу убыхская и адыгская ветви – Черноморское побережье Кавказа и вплоть до бассейна реки Кубань.

6. Несомненно, существовали и другие группы западнокавказской этногенетической общности, которые исторически не зафиксировались, что позволяет рассматривать ее даже в качестве отдельной языковой семьи.